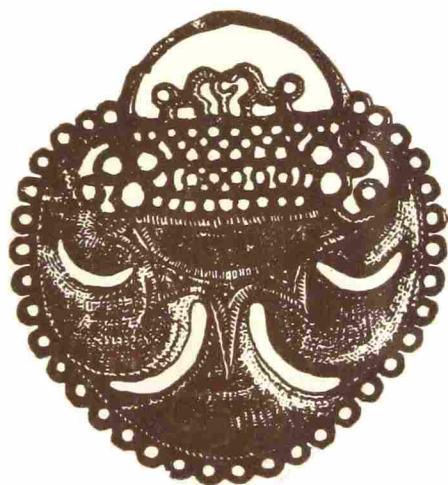

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

3
1977

М. К. КАДЫРБАЕВ

КАМЕННЫЕ АЛТАРИ-ЖЕРТВЕННИКИ ИЗ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА

Среди наиболее ярких образцов декоративно-прикладного искусства скотоводческих племен Северо-Западного Казахстана и Южного Приуралья особо выделяется одна группа резных изделий из камня. Она представлена культовыми столиками или блюдами на ножках, украшенными чаще всего в зооморфном стиле.

Исследованиями археологов установлено, что они принадлежат какой-то группе степных племен савроматской культуры, населявших в середине I тысячелетия до н. э. Самаро-Уральское междуречье и берега р. Илек.

Известен также и их универсальный культовый характер, связанный прежде всего с широко распространенным у племен Южного Приуралья и Северного Прикаспия ритуалом огнепоклонства¹. Своеобразно и то, что отправленные жреческих функций у савроматского населения осуществлялось только женщинами, в погребениях которых и находят эти каменные столики.

До недавнего времени было известно 42 таких изделия из Самаро-Уральского района распространения. Все они детально изучены и опубликованы К. Ф. Смирновым².

На территории Казахстана находки жертвенников савроматского типа до сих пор исчислялись единицами. Это два каменных столика из Тургайской области, жертвенник из могильника Уйгарак и у с. Беловодское (Южный Казахстан) и, наконец, еще одно блюдо на ножках неясного происхождения (Тургайская обл. или Средняя Азия)³. За исключением уйгаракского, все остальные относятся к категории случайных находок.

Особенно удивляло отсутствие каменных жертвенников в северо-западных районах Казахстана, на территории, более всего связанной этнокультурно с савроматскими памятниками Приуралья.

Первые сведения о находках жертвенников на Актюбинском левобережье р. Илек поступили осенью 1972 г., когда механизаторами Хлебодаровского совхоза, расположенного в 23 км северо-западнее Актюбинска, было разрушено при пахотных работах несколько курганных захоронений савроматского времени. Места находок каменных культовых столиков были обследованы летом 1973 г. во время работ в этом районе археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР и Актюбинского областного историко-краеведческого музея под руководством автора настоящей статьи.

¹ Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, 3, стр. 109, 110.

² К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 162—170, 365.

³ А. М. Tallgren. Portable altars. ESA, XI, 1937, p. 52; «Труды Семиреченской археологической экспедиции „Чуйская долина“», МИА, 14, 1950, табл. XL, 6; О. А. Вишневская. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. М., 1973, табл. XXIV, 1; К. Ф. Смирнов. Ук. соч., рис. 74, 15, 17.

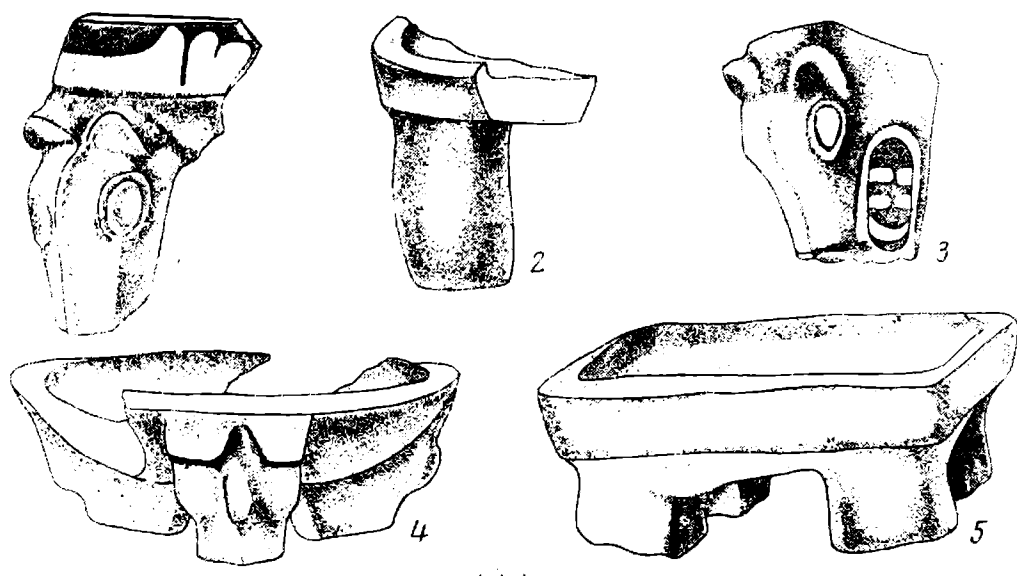

Рис. 1. Жертвенники из могильников Кумис-сай и Бесоба: 1, 4, 5 — Кумис-сай, кург. 1; 2 — Бесоба, кург. 1; 3 — Кумис-сай, кург. 2

Все они происходят из курганов крупного савроматского могильника, находившегося в радиусе 4 км от центральной усадьбы совхоза Хлебодаровский, ныне распаханного (за исключением группы Бесоба и нескольких едва заметных насыпей).

Три целых жертвенника и обломок четвертого найдены в кург. 1 группы Кумис-сай в 1,5 км южнее железнодорожной станции одноименного названия. Пятое каменное изделие извлечено из той же группы, но от кургана, в котором оно находилось, уже ничего не осталось.

Три археологически целых жертвенника происходят из курганов урочища Курайли, в 4 км юго-восточнее центральной усадьбы упомянутого совхоза. Один из осмотренных нами курганов, по словам механизаторов, первоначально имел диаметр 16—18 м и высоту 1,5 м.

Дополнительный материал получен в результате доисследования экспедицией разрытых погребений и раскопок новых курганов.

Ножка от жертвенника обнаружена в кург. 2 могильника Кумис-сай. Второй фрагмент каменного блюда получен из кург. 1 могильника Бесоба. Обломок фигурной ножки и целый, роскошно украшенный каменный столик найдены в кург. 12 и погребении жрицы из кург. 3 того же могильника. Наконец, последний жертвенник происходит из кургана урочища Жалгыз-оба, находящегося в 1 км восточнее группы Кумис-сай.

Итак, с Актюбинского левобережья р. Илек в настоящее время получены замечательные изделия камнерезного искусства: девять целых жертвенников и фрагменты от четырех каменных столиков, сделанные из серого и розового песчаника.

Жертвенники из кург. 1 могильника Кумис-сай двух типов: прямоугольной формы на четырех ножках и круглые на трех зооморфных ножках.

К первому типу относится один столик. Он имеет прямой бортик, несколько нависающий над массивными, короткими, прямоугольной формы ножками (рис. 1, 5). Два других — круглой формы. Их бортики округлые, верхний срез чуть скошен на внешнюю сторону. Бортик более крупного жертвенника украшен фигурами в плоском рельефе, напоминающими языки колышущегося пламени (рис. 2). Ножки передают в скульп-

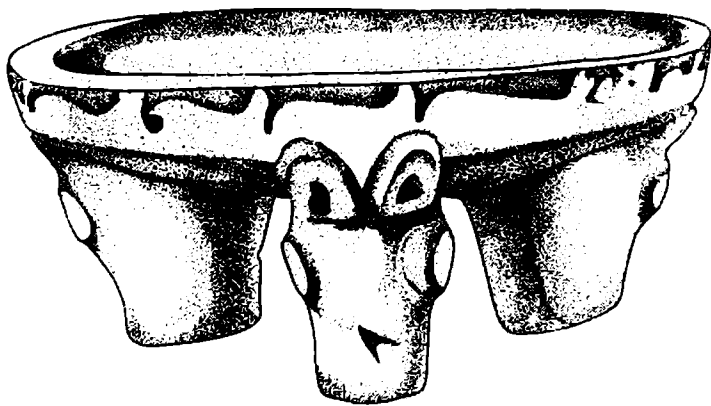

Рис. 2. Жертвенник из кург. 1 могильника Кумис-сай

птуре голову какого-то животного с круглыми глазами и округлыми ушами. Второй жертвенник приземист и сверху имеет более глубокий чашеобразный выем (рис. 1, 4). Его ножки подпрямоугольной формы украшены такой же тупорылой головой животного, но с гораздо меньшей проработкой скульптурных деталей. Вместо ушей над верхней частью головы — нависающий фигурный козырек.

От четвертого жертвенника сохранилась зооморфная ножка с обломком бортика, украшенного теми же фигурами, что и на крупном блюде (рис. 1, 1).

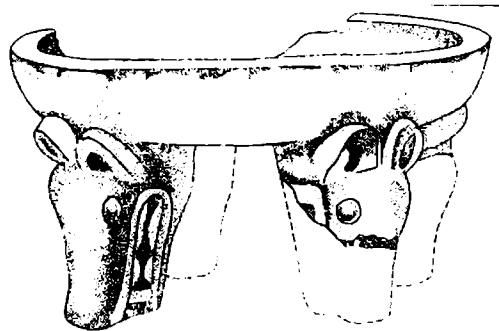

Рис. 3. Каменный столик из группы Кумис-сай

здесь выделяется двумя особенностями: рельефной полоской, проходящей от ушей до кончика морды, и трактовкой глаз в виде рельефного валика овальной формы. Обломок ножки жертвенника с головой хищника извлечен из кург. 2 того же могильника (рис. 1, 3). Древним мастером изготовлена голова волка с оскаленной пастью и типичным для этого зверя округлым ухом.

Ту же оскаленную морду хищника, переданную в великолепно выполненной круглой скульптуре, мы видим и на четырех каменных ножках круглого жертвенника из курганной группы могильника Кумис-сай (рис. 3). Высокий бортик этого каменного блюда украшен все той же символической лентой из «языков пламени».

Хронология жертвенников Кумис-сая определяется по многочисленным вещевым материалам, найденным в курганах 1 и 2.

Насыпь первого кургана заключала четыре погребения, из которых одно — парное — находилось в центре. Все четыре захоронения были совершены на древней почве и сверху покрыты какой-то мощной, впоследствии сожженной деревянной конструкцией, опиравшейся на вертикально вкопанные столбы.

Второй курган насчитывал не менее трех погребений, совершенных по аналогичному обряду.

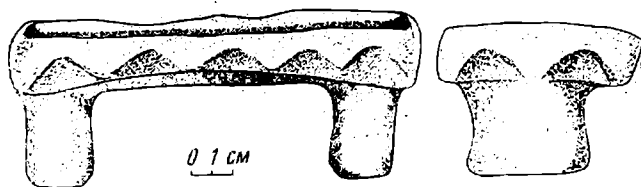

Рис. 4. Жертвенник из кургана Жалгыз-оба

Из курганов происходит большая серия, свыше 170 экземпляров, главным образом бронзовых трехлопастных наконечников стрел с выступающей или утопленной втулкой, железные кольчатые удила с бронзовыми двудырчатыми псалиями и загнутыми под прямым углом верхними концами, пряжки и многочисленные уздечные пронизки, железные акинаки с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием и многие другие изделия. В целом материал могильника Кумис-сай укладывается в рамки конца VI—V вв. до н. э. по классификации К. Ф. Смирнова⁴.

Тем же временем, по железным акинакам с брусковидным навершием и бабочковидным эфесом, датируется и находка каменного жертвенника из кургана Жалгыз-оба. Этот сравнительно небольшой каменный столик прямоугольной формы не имеет аналогий в известных мне савроматских материалах. Его выделяют две высокие брусковидные ножки и волнообразный орнамент по верхней части прямого бортика (рис. 4). Орнамент образован сочетанием плоского рельефа в верхней части бортика с выбранным (подрезанным) фоном внизу.

Обломки от двух каменных жертвенников найдены в курганах 1 и 12 могильника Бесоба. Фрагмент блюда с круглой в сечении высокой ножкой и низким бортиком (рис. 1, 2) сопровождался бронзовыми трехперыми втульчатыми наконечниками стрел V в. до н. э., железным акинаком с навершием, украшенным грифоньими головами, массивными железными трочными пряжками, копирующими бронзовые прототипы, и другими вещами.

Обломок жертвенника из кург. 12 чрезвычайно близок круглому песчаниковому блюду с зооморфными ножками и узорчатым фризом по внешней части бортика из кург. 1 могильника Кумис-сай (рис. 5). Со-

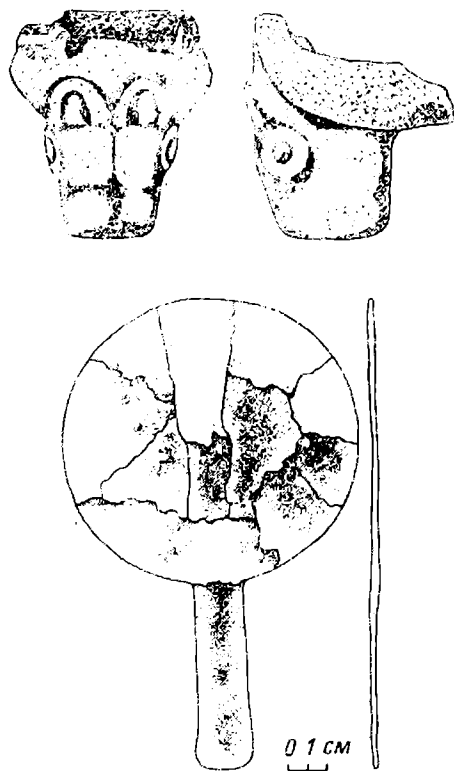

Рис. 5. Фрагмент столика и бронзовое зеркало из кург. 12 могильника Бесоба

⁴ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, рис. 26—28, 45, 49 и др.

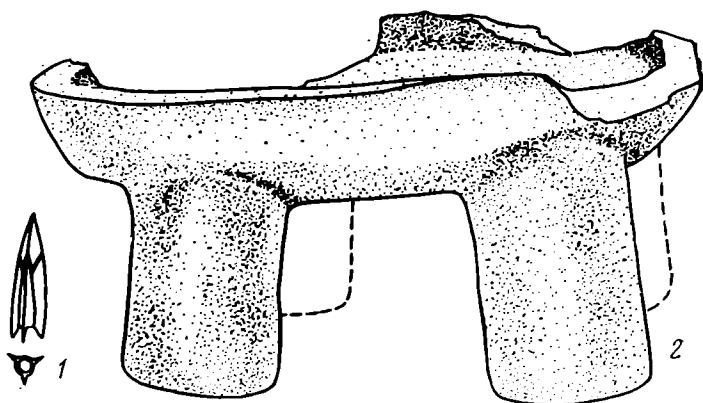

Рис. 6. Курайли, случайная находка

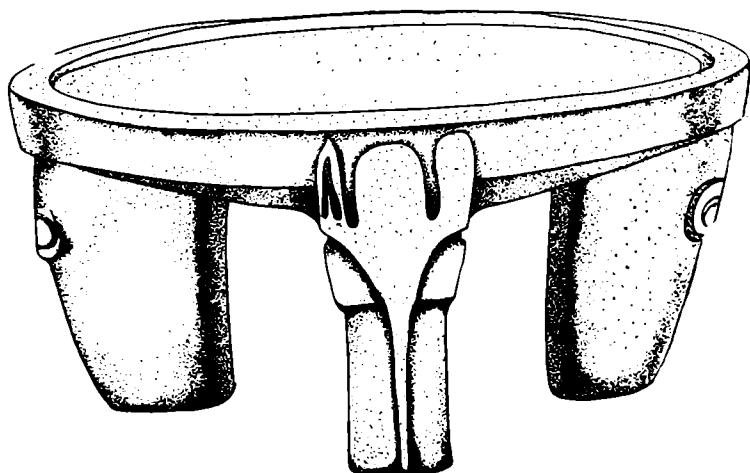

Рис. 7. Жертвенник из урочища Курайли

путствующим материалом в Бесобе 12 были глиняные плоскодонные сосуды с носиком-сливом, круглое плоское зеркало с длинной рукоятью, бронзовые браслеты с гравированными концами в виде змей, фрагмент бронзового клепаного котла. Эти вещи датируются в пределах конца VI — первой половины V в. до н. э.⁵

Три жертвенника из серого песчаника, как уже отмечалось, происходят из курганов урочища Курайли. Один из них на четырех высоких круглой формы ножках был обнаружен вместе с крупным бронзовым трехперым наконечником стрелы с утопленной втулкой и крупной раковиной. Ножки его массивны, форма чаши овальная, сравнительно высокие бортики закруглены (рис. 6).

Два других песчаниковых столика на трех ножках представляют собой замечательные образцы камнерезного искусства. Оба они круглой формы. Первый жертвенник выделяется высоким качеством обработки камня. Его небольшой по высоте ровный бортик и неглубокий чашеобразный выем тщательно отшлифованы (рис. 7). Ножки подпрямоугольной формы скульптурно трактованы в виде голов лошадей. Такая видо-

⁵ Подробно о находках см.: М. К. Кадырбаев, Ж. К. Курманкулов. Материалы раскопок могильника Бесоба. Сб. «Археологические исследования в Отраре». Алма-Ата, 1977.

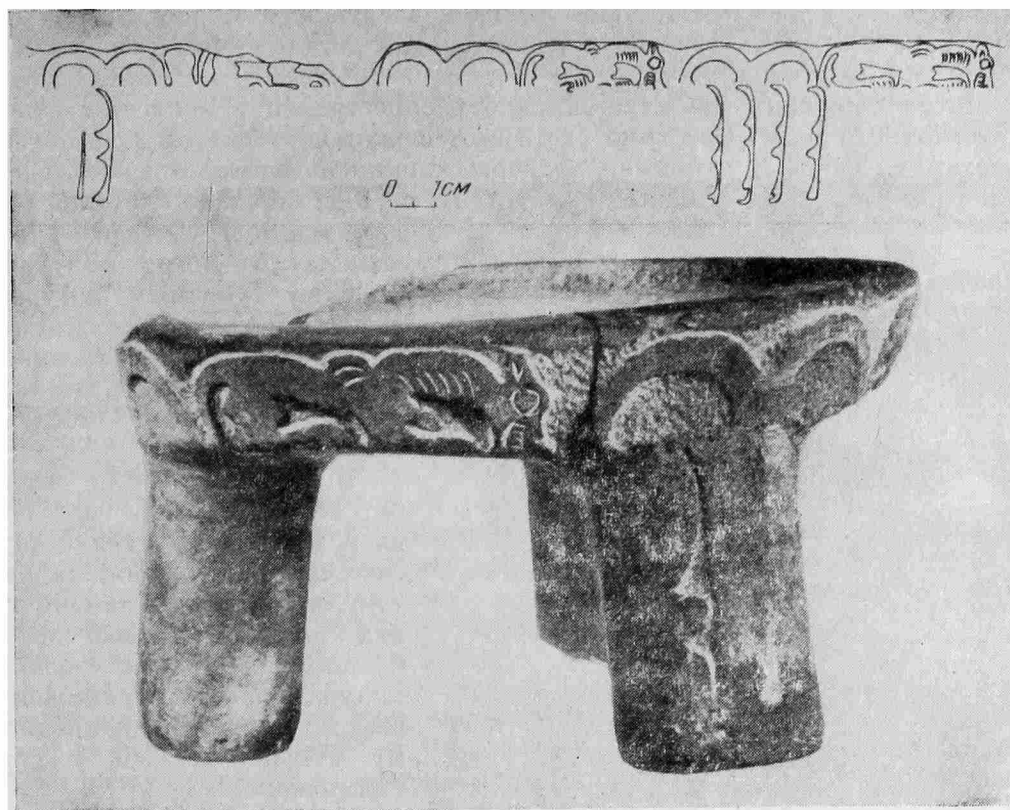

Рис. 8. Каменный столик из Курайли и прорисовка фриз

вая принадлежность хорошо определяется по изображению характерных для этих животных ушей и высокой челки, выполненных на одной из скульптурных ножек. Две другие конские головы трактованы более обобщенно, отмеченные детали в них отсутствуют.

Второй жертвенник несколько меньше по размеру (рис. 8). Диаметр его чаши 20 см, в то время как у первого 31 см. Высота его та же — 15 см. Круглые массивные ножки чуть расставлены в стороны. Внешнюю поверхность бортика украшает роскошный узорный фриз из трех лежащих фигур хищников (волков), отделенных друг от друга симметрично расположенными зооморфными завитками в стиле «бараний рог».

Композиционная лента составлена таким образом, что фигуры хищников занимают те части бортика, которые находятся в промежутке между ножками. На участки же бортика, нависающего над круглыми опорами, приходится орнаментальный мотив бараньих рогов.

На внешней стороне одной ножки мы видим уже знакомый на бортиках культовых столиков загадочный рельеф, но только в вертикальном исполнении. В таком виде он очень напоминает половиный профиль резных ножек деревянных сакских столиков Семиречья и Алтая. Вторая круглая подставка лишь частично орнаментирована, третья вовсе не имеет узоров.

Из трех фигурок хищников на узорном фризе только две сохранились полностью. Лежащие звери показаны с оскаленной пастью и опущенными хвостами. Их несколько гипертрофированная шея и выделенное плечо украшены скобообразными насечками, а хищные лапы переданы короткими черточками и в одном случае эсвидным завитком. Фигура третьего хищника сохранилась частично, но лапы здесь переданы по-иному, в виде

кольца. Между хвостом третьего волка и следующим за ним изображением бараньих рогов введена дополнительная деталь — фигурное возвышение или подставка.

Мотив лежащего хищника широко распространен в искусстве савроматского мира. Особенно часто этот сюжет повторяется на золотых пластинах. Таковы, например, фигуры хищников на золотой обкладке ножен из Тагискена (Южный Казахстан), на пластинах из курганов сел.

Суслы и Золотушинское в Поволжье⁶. Аналогичная курайлинским каменным фигурам золотая барельефная бляшка с изображением лежащего волка найдена в 1972 г. в том же районе, в кург. 1 могильника Кумис-сай.

И все-таки ближе всего по характеристике деталей изображений, техническим приемам исполнения, характеру декорировки каменного изделия песчаниковый жертвенник из Курайли стоит к приуральскому культовому столику, случайно найденному в конце XIX в. у хут. Крыловский⁷.

Высокохудожественным произведением камнерезного искусства является и жертвенник из кург. 3 могильника Бесоба (рис. 9). Это скульптурное каменное изделие свидетельствует о том, что савроматские ваятели в совершенстве владели объемно-пластическими средствами изобразительного искусства.

Рис. 9. Жертвенник из кург. 3 могильника Бесоба

С особой наглядностью это проявилось в оформлении ножек бесобинского алтаря, на которых в круглой скульптуре представлены характерные для савроматского искусства канонические изображения волчьих голов с грозно оскаленной пастью. Интересна и своеобразная манера оформления ушей хищников в виде отпечатка копыта коня. Подобная декоративная символика, как известно, широко распространена в изделиях прикладного искусства скотоводческих племен Евразии эпохи раннего железа.

На тесную связь каменных алтарей с культами и обрядами огнепоклонства и через них с солярными верованиями указывает украшение дошной части бесобинского жертвенника рельефным орнаментом креста, составленного из трехлепестковой фигуры, края которой выходят на нижнюю часть бортика в промежутке между ножками.

Описываемый песчаниковый трехногий столик происходит из непогребенного захоронения жрицы. Вместе с ним в кург. 3 были найдены железный нож с невычлененной рукоятью, плоскодонные глиняные сосуды баночной формы, крупные золотые конической формы серьги, украшенные зернью, электровые нашивные бляшки, ожерелье из золотых

⁶ М. И. Артамонов. Сокровища саков. М., 1973, стр. 23; К. Ф. Смирнов. Савроматы, рис. 78, 1, 2.

⁷ А. М. Tallgren. Op. cit., p. 58—61.

бус, трубочек и сердоликового кулона, грубо оправленного золотым листом с зерновым обрамлением. Несмотря на отсутствие прямых аналогий, в особенности ювелирным изделиям, материалы кургана близки савроматским памятникам второй половины VI в. до н. э. из Биш-обы и Нового Кумака (кург. 10) ⁸. Погребение жрицы из Бесобы относится к рубежу VI—V вв. до н. э.

Каменные алтари-жертвенники как атрибуты культа домашнего очага и солнца довольно широко представлены в среде степных племен Европы и Азии.

Они отражают во многом единый пласт первобытных верований скифо-сакских кочевых племен степей Причерноморья, Поволжья, Казахстана, Южной Сибири. Однако ни в одном из перечисленных районов распространения этих культовых изделий мы не найдем таких ярких по скульптурной пластике и рельефной выразительности произведений камнерезного искусства.

Все это указывает на то, что в среде скотоводческих племен Южного Приуралья и Северного Прикаспия, точнее говоря Орско-Илековского междуречья, в середине I тысячелетия до н. э. оформилась самостоятельная школа камнерезного искусства со своими специфическими приемами орнаментальной разработки деталей скульптурных форм, характерным звериным мотивом, своеобразием техники обработки каменных изделий и принципов построения декоративных композиций.

Одна из технических особенностей этой школы — органическое сочетание в одном изделии двух манер выполнения изображений и узоров. Это, во-первых, простейшая рельефная резьба при помощи выбирания фона вокруг рисунка и более сложное искусство круглой скульптуры.

В этой связи нельзя не обратить внимания на хронологически отдаленные от нашего материала памятники средневекового искусства Мангышлака, Усть-Урта, Кубачи-Дага, древнее население которых некогда находилось в зоне влияния сарматской культуры, а возможно, относилось к числу ее создателей.

Искусствоведы уже давно отмечали в средневековом камнерезном искусстве этих районов своего рода дуализм технико-стилевых принципов оформления художественных образов: с одной стороны, стремление к пластической округлости, приближающейся к полной скульптуре, с другой — к плоскостности рельефа, его контурно-графической или выемчатосилуэтной трактовке. Особенно четко эта специфика прослежена в резных камнях аула Кубачи (Южный Дагестан) ⁹.

Элементы общности культурных традиций в камнерезном деле наблюдаются и на кулуп-тасах Мангышлака и Западного Усть-Урта. Скульптурно-декоративные камни Ушкан-аты и других некрополей несут в себе те же идеи художественного решения, заключающиеся в комбинации плоскорельефной резьбы и скульптуры ¹⁰.

А. С. Башкиров, анализируя на примере дагестанской скульптуры оба направления, связывал их с двумя традициями; западной, с ее пластикой, уходящей корнями в античное время, и восточной, для искусства которой более всего были характерны плоскостность и статика образа ¹¹.

В объяснении специфики средневековой резьбы по камню Мангышлака, Усть-Урта, Кубачи-Дага мы не должны исключать далекие технико-стилевые истоки искусства племен бассейна Илека и среднего течения Урала.

⁸ К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 302.

⁹ А. С. Башкиров. Искусство Дагестана. Резные камни. М., 1931, стр. 9 и табл. 45, 46, 48.

¹⁰ М. М. Мендикулов. Памятники архитектуры полуострова Мангышлака и Западного Усть-Урта. Алма-Ата, 1956, стр. 15, и рис. 21—25.

¹¹ А. С. Башкиров. Ук. соч., стр. 42, 43.

LES AUTELS SACRIFICATOIRES DU NORD-OUEST DU KAZAKHSTAN

Résumé

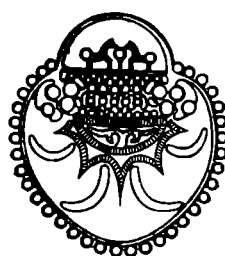
Cette étude est consacrée à quatorze tables cultuelles, trouvées en 1972 et 1973 dans les sépultures en kourganes de la rive gauche de l'Ilek, dans les environs de la ville d'Aktioubinsk (République de Kazakhie). La plupart appartiennent au type des autels sacrificatoires reposant sur trois pieds zoomorphes. Parmi elles, on remarque particulièrement des sortes de plats en pierre, provenant de Kouraïl, portés sur des pieds décorés de têtes de chevaux (fig. 7), ainsi que d'un kourgane 3 tombeaux de Bessoba ornés de gueules de loups (fig. 9). Les autres autels sont sur un support formé de quatre pieds. Parmi eux il se trouve une oeuvre de Koumis-saï, avec des têtes sculptées de carnassiers (fig. 3). On doit mettre au nombre des trouvailles exceptionnelles une table de Jalghyz-oba à deux hauts pieds en forme de barre (fig. 4).

Le plus grand nombre de ces autels de pierre ont été découverts à côté d'objets de l'époque sarmate — des flèches de bronze à douille et à trois pennes, des glaives «akinaks» de fer, au pommeau en barre et à la garde papillon, des mors annelés aux branches de fer à deux trous. Tous datent de la fin du VIe et du Ve s. av. n. ère.

Les mêmes principes de technique et de style qui ont présidé à la construction de ces objets du culte montrent que parmi les tribus des pasteurs, qui vivaient au confluent de l'Orsk et de l'Ilek au milieu du Ier millénaire av. n. è., s'était formée une école originale de sculpture de la pierre.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

СЕДЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1963

одном фрагменте крашеной посуды с внутренней стороны видны отпечатки ткани. Найдены также кружки из обточенных черепков. Эта посуда похожа на посуду из Чуста, Дальверзина и Тергаучи. Основываясь на этом, данные слои Кара-курганского поселения следует отнести ко II— началу I тысячелетия до н. э. Верхние слои этого поселения относятся к раннему железному веку. Подъемный материал свидетельствует, что поселение существовало, очевидно, без перерыва с конца II тысячелетия до н. э. до первых веков нашей эры. Подтверждением земледельческого характера труда жителей поселения служит находка в верхнем слое, относящемся к эпохе бронзы, обуглившегося зерна из семейства бобовых (горох?) и множество зерноотерок.

Материал поселений бронзового века Северной Ферганы, рассмотренный в настоящей заметке, позволяет сделать некоторые выводы.

1. Новые памятники увеличивают число известных поселений эпохи бронзы и расширяют ареал чустской культуры. В настоящее время стало известно уже более десяти поселений чустского типа, располагающихся в восточной части Ферганской долины. В западной части Ферганы подобные поселения пока неизвестны. Для этих районов характерны памятники степной бронзы [6, 7].

2. Новые поселения являются небольшими по величине памятниками и представляют интерес потому, что являются многослойными. На крупных поселениях (Чуст, Дальверзин и Ашкал-Тепе) поздних культурных слоев нет, что связано с изменением физико-географических условий и хозяйственной деятельности населения [4, стр. 219]. Для жителей Тергаучинского, Тюря-курганского и Кара-курганского поселений условия для занятия земледелием оставались благоприятными и в последующие эпохи. Поэтому им не было необходимости переселяться на новые места.

3. Для разработки периодизации истории Ферганы II—I тысячелетий до н. э. подобные многослойные памятники представляют большой интерес, и их изучение может дать новые факты по истории Ферганы.

Литература

1. Ю. А. Заднепровский. Дальверзинское селище. КСИИМК, 69, 1957.
2. В. И. Спришевский. Чустское поселение эпохи бронзы. КСИИМК, 69, 1957.
3. В. И. Спришевский. Чустское поселение эпохи бронзы (раскопки 1955 г.). КСИИМК, 71, 1958.
4. Ю. Н. Заднепровский. Ашкал-теп — новый памятник чустской культуры в Фергане. СА, 1959, 3.
5. А. Н. Бернштам. В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня. Сб. «По следам древних культур (От Волги до Тихого океана)». М., 1954.
6. А. П. Окладников. Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового веков в Таджикистане летом 1954 г. Тр. АН ТаджССР, XXXVII, 1956.
7. Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины. СА, 1957, 3.

В. Е. СОКОЛОВ

ПИСАНИЦЫ КАСКАБУЛАКА

Летом 1961 г. в ущелье Каскабулак (заповедник Аксу-Джебаглы, западные отроги Таласского Ала-тау, Тянь-Шань, Казахская ССР), на скалах, разбросанных по небольшому плато, расположенному примерно на высоте 3 тыс. м над уровнем моря, мы осмотрели многочисленные наскальные изображения [1]. К сожалению, нам не удалось провести тщательные поиски и подробный осмотр других петроглифов. Тем не менее, мы полагаем, что описание хотя бы некоторых изображений мо-

жет представить известный интерес и послужить толчком для более тщательного их исследования.

Наша находка в общем мало чем отличается от большинства описанных в литературе наскальных изображений Казахстана, главная тема которых — охотничья фауна. Большинство исследователей связывают эти рисунки с какими-то ритуальными процессами, другие же [2] полагают, что изображения делались с эстетическими целями. Плато, где находятся описываемые нами петроглифы, представляет собой место перехода сибирских горных козлов и архаров с одного пастбища на другое и с мест дневок на пастбище и водопой. Даже теперь, когда численность зверей сильно уменьшилась, в ущелье Каскабулак и его окрестностях обитают значительные стада горных козлов и архаров, а через плато проходят хорошо натоптанные звериные тропы. Легко представить, что в прежние времена, когда зверей было больше, для охоты здесь было наиболее благоприятное место. Нами обнаружено кольцевидное скопление крупных камней. Возможно, это искусственно сделанная засидка для охотника. Характер расположения рисунков на значительной высоте, в труднодоступном месте, в районе непосредственной охоты позволяет утверждать, что в данном случае фигурки зверей выбивались на камнях с магическими целями.

Все рисунки представляют сплошь высеченные на камне фигурки, расположенные глубже поверхности. Размеры их невелики и в большинстве случаев достигают в высоту 10—15 см. Они выполнены в обобщенной примитивной форме, но видовую принадлежность большинства зверей можно определить сразу. Некоторые рисунки поражают точностью и экспрессией (например, насторожившаяся самка марала с поднятыми ушами — рис. 2, 1б). По стилю и технике рисунки отличаются друг от друга. Очевидно, их делал не один человек и не в одно время.

В наскальных рисунках Казахстана чаще других встречаются изображения сибирских горных козлов. Так, из 90 известных нам в литературе рисунков, в 69 встречаются изображения сибирского горного козла, в 44 — марала, в 23 — архара, в 20 — верблюда и в 16 — лошади. Другие животные изображаются реже: кабан, сайгак, джейран — по 2 раза, волк и лиса — по 4 раза и т. д. Часто встречается изображение человека (27 случаев), реже — всадника (8 случаев). Довольно обычны сцены охоты.

Петроглифы Каскабулака не составляют исключения в этом отношении. Рисунки сибирских горных козлов очень сходны с большинством петроглифов, описанных в Казахстане (рис. 1). Как правило, изображения козлов выбивались на камнях в профиль, с одним рогом и одной передней и задней ногой. Иногда встречаются двурогие изображения козлов, причем голова у них также повернута в профиль.

Изредка встречаются рисунки козлов с двумя передними и задними ногами, что изобразить труднее. Таким способом чаще всего подчеркивается движение зверя. Пропорции тела соблюдаются плохо (например, ноги у некоторых толще туловища). Туловище представлено прямой выбитой линией или прямоугольником. Ноги — прямые, как палки, без суставов и отделов. У огромного большинства хвост поднят кверху, что является характерной особенностью живых козлов. Рога имеют обычно крупные размеры, часто гипертрофированные, и далеко заходят за туловище. Возможно, таким образом старались выразить мощь зверя (чем живой козел крупнее, тем рога его больше). Уши чаще всего не изображались.

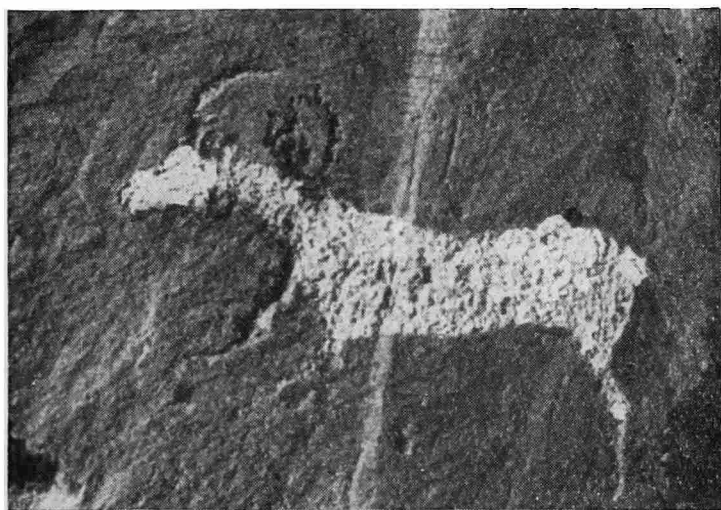
Рисунки архаров встречаются значительно реже. Их видовая принадлежность характеризуется завитыми спиралью рогами и отсутствием поднятого кверху хвоста. Архары изображались всегда однорогими. В нашей находке имеется два резко различающихся рисунка архаров: примитивный (рис. 1, 2а), с непропорционально толстыми прямыми

1

2

3

Рис. 1.

1 — наскальные изображения сибирских горных козлов; 2 — наскальные изображения: а — архаров и б — марала; 3 — наскальное изображение архара

ногами, и с хорошо проработанными очертаниями тела, задней конечности и морды (рис. 1, 3), очень сходный с рисунком из Чу-Илийских гор [3].

Самцы-маралы изображались как однорогие, так и двурогие, а самки — без рогов, с ушами. Рога на рисунках обычно имеют мало общего с настоящими рогами. Чаще всего они выбивались в виде елочки, обращенной вершиной к голове. Иногда отростки рогов имеются только с одной стороны, иногда они бывают завитыми. В нашей находке имеется примитивное изображение марала с непропорциональными туловищем и конечностями (рис. 1, 2б) и более совершенный рисунок с правильно очерченным туловищем, с сочленениями у ног (рис. 2, 1 а, б); однако рога у самцов стилизованы.

Для рисунков верблюдов характерно наличие горбов, изогнутой шеи и немного загнутой вниз морды. В огромном большинстве случаев встречаются двугорбые верблюды. Только в горах Чулак П. И. Мариковским [2] описан рисунок одnogорбого верблюда (он может трактоваться и как рисунок черепахи). В нашей находке имеется всего один плохо сохранившийся рисунок двугорбого верблюда (рис. 2, 2). Туловище и горбы изображены примитивно. Очертания задних конечностей с расширениями в дистальных отделах очень естественны. Характерен и толстый хвост.

Весьма любопытна сцена охоты (рис. 2, 3), объединяющая несколько изображений. Сюда входят: человек, стреляющий из лука (рис. 2, 3а), убитый им козел (рис. 2, 3г), убегающий козел (рис. 2, 3в) и другой человек (рис. 2, 3б) (загонщик?). Человеческие фигуры несомненно изображают мужчин. Лук, из которого стреляет охотник, очевидно, сложный, хотя и не таких больших размеров (в рост человека), как на петроглифах гор Чулак. Интересно, что лук изображен необычно: тетивой дальше от охотника, а древком ближе. П. И. Мариковский [4] встретил такие же рисунки в горах Чулак и объясняет их как изображение одного из виртуозных способов применения лука, который заключался в том, что из лука посылалась не стрела, а маленький гарпун на бичеве. Для большей точности стрельбы, по мнению П. И. Мариковского, лук поворачивали в обратную сторону, так как бичева скользила по тетиве с меньшим трением, не искажая точности полета гарпуна. Нам это объяснение представляется маловероятным. Дальность полета стрелы (или гарпуна) и сила действия лука при таком положении должны значительно снижаться. После выстрела лук мог поворачиваться силой действия тетивы в руках охотника — и художник, рисуя лук в таком положении, очевидно, старался показать, что стрела спущена. Это подтверждается нашим рисунком, где зверь убит охотником и рисунками в горах Чулак, где звери загарпунены.

Нам трудно судить о датировке найденных изображений. В общем их можно разделить на две группы: ранние (примитивные, менее глубоко выбитые камнем или нетвердым металлическим предметом) и поздние (более совершенные, выбитые глубже твердым металлическим инструментом, лучше сохранившиеся). Проводя аналогию с датированными изображениями, опубликованными различными авторами, особенно с рисунками из Чу-Илийских гор [3], мы относим более совершенные рисунки к эпохе саков (VII—V вв. до н. э.), а более примитивные — к предсакскому времени.

Наскальные рисунки представляют определенный интерес не только для археологов, но и для зоологов, указывая места распространения различных видов зверей (конечно, необходимо учитывать возможную ошибку, когда изображенные животные не водились в этих местах). Сравнивая места находок петроглифов с современным ареалом соответствующих животных, можно сделать любопытные заключения. Наскальные изображения сибирских горных козлов найдены почти во всех местах, где они обитают и в настоящее время, или недалеко от этих мест. Остальные на-

1

2

3

Рис. 2.

1 — наскальные изображения: а — самцов маралов, б — самки марала, в — сибирских горных козлов, з — лисы, д — волка; 2 — наскальное изображение верблюда; 3 — наскальное изображение сцены охоты на сибирских горных козлов: а — охотник, б — загонщик (?), в — убегающий горный козел, з — убитый козел

ходки почти полностью укладываются в пределах занимаемого ими когда-то ареала, границы которого известны нам из различных источников. Никаких данных, кроме предположения, высказанного В. Г. Гептнером [5] об обитании в прошлом горных козлов в Казахском мелкосопочнике, в горах Каратау и Чу-Илийских горах, мы не имеем. Находки многочисленных петроглифов в этих районах подтверждают факт широкого распространения здесь горных козлов.

Почти все находки наскальных изображений архаров в общем соответствуют современному ареалу. Такая длительная стабильность ареала крайне интересна. Ареал марала, сильно сократившийся даже за последнее время, судя по петроглифам, некогда охватывал всю восточную и юго-восточную часть Казахстана.

Присутствие в прошлом в пределах Казахстана диких верблюдов до сих пор нельзя считать определенно доказанным. Косвенные данные — наскальные рисунки — как будто подтверждают это. Часто художник изображал верблюда среди диких зверей, рисовал сцены охоты на него (домашний верблюд изображался на камне оседланным или на поводу). Это позволило ряду авторов утверждать, что в Казахстане прежде водился дикий верблюд [4, 6, 7]. Однако невозможно определить, что это действительно дикие или убежавшие из стада и одичавшие верблюды (аналогичный случай с одичавшими лошадьми Северной Америки хорошо известен). А. Д. Грач [7] в защиту гипотезы существования в пределах Казахстана дикого верблюда высказывает мнение, что уход в пустынные области более или менее значительных масс скота не представляется вероятным, так как скот являлся основным объектом грабежа в процессе военных столкновений между отдельными объединениями кочующих племен и был под постоянным присмотром. Однако для образования устойчивой популяции зверей совсем не обязательно иметь многочисленных производителей. При наличии благоприятных условий и за значительный период времени одичавшие верблюды могли широко расселиться по Казахстану. Таким образом, по нашему мнению, вопрос о диком верблюде Казахстана продолжает оставаться открытым.

Учитывая датировки петроглифов, можно считать, что ареалы указанных выше зверей изменились в относительно недавнее время. В связи с тем, что никаких крупных климатических изменений в этот период не происходило, очевидно, сокращение ареала следует связывать с деятельностью человека. Обитающие в более труднодоступных для охотника местах архары и сибирские горные козлы сохранились на более обширной территории, чем маралы, резко сократившие свой ареал.

Литература

1. Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, № 3940.
2. П. И. Мариковский. О наскальных изображениях в горах Чулак. ВАН КазССР, 6(63), Алма-Ата, 1950.
3. А. Г. Максимова. Наскальные изображения ущелья Тамгалы. ВАН КазССР, 9(162), Алма-Ата, 1958.
4. П. И. Мариковский. Способы и объекты охоты по мотивам наскальных рисунков Чулакских гор (Казахская ССР). Зоол. ж., 32, 6, 1953.
5. В. Г. Гептнер, А. А. Насимович, А. Г. Банников. Млекопитающие Советского Союза. М., 1961.
6. Б. А. Белослюдов. К вопросу о доисторическом распространении в пределах Казахстана дикого двугорбого верблюда. ВАН КазССР, 10 (19), 1946.
7. А. Д. Грач. Петроглифы Тувы. I. Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, 17, М.—Л., 1957, стр. 385—428.